

Еврейскій вопросъ въ Россіи.

(Посвящается русской и еврейской молодежи).

III. Хоръ бессознательныхъ.

Значеніе этого хора. Чувство, его роль въ жизни и развитіе. Наслѣдственность. Инстинктивное чувство ненависти. „Естественное“ состояніе людей и народовъ. Усложненія. „Tabula rasa“ и значеніе наслѣдственности.

Неужели исторія существуетъ для того, чтобы не пользоваться ея уроками? Неужели не поучительно видѣть, что обратило евреевъ въ ненавистныхъ намъ „жидовъ“ и что снова дѣлаетъ „жидовъ“ евреями и даже гражданами? Не послѣдовать ли намъ совѣту исторіи? Вѣдь равноправіа мы еще у себя примѣненнымъ не видѣли и кромѣ презрѣнія, отчужденія да гнуснаго либеральнаго заигрыванія въ минуты денежныхъ затрудненій, ничего евреямъ не показывали.

„Мы чувствуемъ къ евреямъ враждебную ненависть и отвращеніе. Чувствуемъ даже къ тѣмъ, которые по своимъ качествамъ этого не заслуживаютъ: къ нимъ чувствуемъ тоже только потому, что они евреи. Что подѣлать съ врожденнымъ чувствомъ?“

fort que nous! Выражаемъ ненависть на примѣненіе по евреямъ любого изъ означенныхъ качествъ. Возрѣваніе. Возрѣваніе не

нѣтъ, самый инстинктъ своихъ роковому зна-

Голоса другихъ диктуютъ законы, основываютъ учрежденія, голоса этого хора непосредственно создаютъ нравы и обычаи; тѣ создаютъ препятствія, ограниченія, эти создаютъ презрѣніе, насмѣшку. Законы легче измѣнить, чѣмъ нравы; препятствія легче устранить, чѣмъ насмѣшку. Мышлю можно противуставить знаніе, аргументъ; чувство же вытѣсняется только чувствомъ, а предъявить фактъ легче, чѣмъ вытѣснить чувство. Въ борьбѣ мышленія выигрываетъ правда, въ борьбѣ чувствъ выигрываетъ сила. Но чувство и только чувство руководитъ всѣми нашими поступками! Иногда мы глубоко убѣждены, что поступаемъ по внушенію разсудка, но вѣдь это заблужденіе: мы слѣдуемъ внушенію его лишь тогда, когда ему удалось пріобрѣсти союзника въ одномъ, или нѣсколькихъ изъ нашихъ чувствъ, иначе голосъ его „заглушается“ враждебнымъ ему чувствомъ, вѣдѣніемъ котораго мы слѣпо и подчиняемся. Такъ всегда было, есть и будетъ, но мы обладаемъ надеждой, даже болѣе—увѣренностью, что разлада между нашими чувствами и внушеніями разсудка и справедливости будетъ все меньше и меньше.

Вотъ ужъ девятнадцать вѣковъ, какъ человѣчество признало высокіе принципы нравственности и справедливости, провозглашавшіе христіанствомъ, признало разсудкомъ, но не восприняло чувствомъ,—и что же? Жизнь всего человѣчества, за исключеніемъ меньшинства, даже до послѣдняго вѣка, представляетъ полное отрицаніе, игнорированіе великихъ христіанскихъ принциповъ, которые будутъ управлять ми-

ромъ лишь тогда, когда чувства большинства человѣчества dorostутъ до нихъ, сольются съ ними. Какъ же совершается ростъ чувства, какими свойствами обладаетъ эта роковая сила, управляющая всею жизнью человѣчества?

Чувства, доступныя человѣку, не являются „готовымъ даромъ свыше“. Психологія и собственныя наблюденія должны убѣдить насъ, что прирожденные чувства нѣтъ, что чувства каждаго человѣка—дѣло наживное, измѣняющееся съ каждымъ возрастомъ жизни отдѣльнаго человѣка, а исторія знакомитъ насъ съ тѣми измѣненіями, которыми подвергаются чувства всего человѣчества. Долго пытались удерживать прерогативу прирожденности и неприкосновенности за религіознымъ чувствомъ. Но вѣдь умиравшій на крестѣ Христосъ и поносившіе его у подножья креста люди, сжигаемый на кострѣ Гусъ и подкладывавшая къ костру дрова набожная женщина, были одушевлены однимъ и тѣмъ же—религіознымъ чувствомъ. А какъ различно проявлялось оно, какъ различно было оно по самой сущности! Изъ чего же складывается чувство каждаго изъ насъ, чѣмъ можемъ мы замѣнить утраченную вѣру въ его непогрѣшимость, т. е., что должны мы сознать въ чувствѣ для того, чтобы, слѣдуя его внушеніямъ, быть увѣренными, что поступаемъ нравственно и справедливо?

Психологія говоритъ намъ, что каждое изъ нашихъ чувствъ складывается изъ впечатлѣній, полученныхъ изъ внѣшняго міра, которыя вначалѣ получаютъ и комбинируются въ нашей ду-

шѣ помимо нашего сознанія. Помѣръ накопленія впечатлѣній изъ внѣшняго міра, чувство изъ бессознательнаго дѣлается сознательнымъ и тѣмъ болѣе полнымъ и справедливымъ, чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе были впечатлѣнія, послужившія для его образованія. Образованіе и ростъ чувства усложняется слѣдующимъ. Къ первичнымъ элементамъ чувства, доставленнымъ извнѣ, присоединяется нѣчто, находящееся въ самомъ нашемъ организмѣ въ видѣ особыхъ задатковъ, расположеній, унаслѣдованныхъ отъ родителей и предковъ подобно тому, какъ наслѣдуются таланты, особенность характера.

Эти задатки, наслѣдуемые отъ безконечно длиннаго ряда предковъ, являются зародышами тѣхъ чувствъ, которыми они жили и, чтобы оживить ихъ въ насъ, достаточно нѣсколькихъ благоприятныхъ впечатлѣній. Откуда, на примѣръ, является въ нашемъ ребенкѣ чувство презрѣнія и ненависти къ „жиду“ въ возрастѣ, когда онъ не можетъ оцѣнить безнравственныхъ сторонъ характера взрослого человѣка? Очевидно, что это не продуктъ его личнаго жизненнаго опыта. Мы говоримъ: это чувство инстинктивное. Но вѣдь это объясненіе не даетъ намъ понятія о достоинствѣ чувства, психологія же говоритъ намъ, что это инстинктивное чувство есть наслѣдіе той ненависти, того презрѣнія, которое чувствовали къ евреямъ предки этого ребенка. Инстинктивные или бессознательныя чувства проявляютъ и взрослые, ими щеголяются даже, какъ это мы видѣли выше. Что же? И у взрослыхъ сущность ихъ

составляетъ унаслѣдованное, а не благопріобрѣтенное, причѣмъ похвальба ими служить вѣрнымъ доказательствомъ нравственнаго и умственнаго убожества ихъ обладателей.

Мы знаемъ, что наслѣдіе физическое,—не всегда представляется вполне цѣннымъ и доброкачественнымъ; многое, чтобы быть пригоднымъ для жизни наслѣдника, должно быть измѣнено и добавлено, отъ другого, по злокачественности, нужно скорѣй спѣшить избавиться. Тѣ же свойства представляютъ и наслѣдіе духовное, съ тою только разницею, что оно является несравненно болѣе разнообразнымъ и переданнымъ изъ рода въ родъ отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ. Допустимъ для примѣра возможность слѣдующаго. Представимъ себѣ человѣка XIX вѣка, получившимъ наслѣдство отъ всѣхъ своихъ предковъ, начиная отъ предка-дикаря. Чего бы только не оказалось у него: и кремневые ножи, и стрѣлы, и бронзовые мечи, кубки изъ череповъ враговъ и чаши для вина въ полтора ведра, палицы, различныя приспособленія для „питанія“ и „сженія огнемъ“, богатый ассортиментъ нарядовъ для „шутовъ“ и „дуръ“, коллекціи лѣчебныхъ драгоцѣнностей, въ родѣ громовыхъ стрѣлокъ, корня-обратима, медвѣжьихъ когтей и т. п. для врачеванія себя отъ тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ. Нашолъ ли бы возможнымъ наслѣдникъ всѣхъ выше названныхъ предметовъ дать имъ въ своей жизни ихъ прежнее назначеніе. Нашолъ ли бы онъ возможнымъ, не оскорбляя своего эстетическаго вкуса и чувства гуманности, предаться излюбленной и единст-

венной утѣхѣ добраго стараго времени—глумленію и мученію, потѣхи ради, цѣлаго штата обиженныхъ природою существъ? Дозволили бы ему его свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ обратиться къ лѣченію себя заговорами и амулетами?

Очевидно, нѣтъ! Духовное наслѣдство каждаго изъ насъ имѣетъ большое сходство, съ только что описаннымъ, и мы къ сожалѣнію пользуемся всѣмъ полученнымъ безъ разбору, не давая себѣ труда очистить его отъ непригоднаго, недостойнаго нашего времени. Что такое общераспространенный даже между образованными людьми страхъ мертвецовъ и привидѣній, какъ не наслѣдіе отъ предка-дикаря, вѣрившаго, что мертвые посѣщаютъ живыхъ, причиняютъ имъ разныя болѣзни и бѣдствія; что такое наша религіозная нетерпимость, какъ не наслѣдіе того предка-язычника, который приносилъ въ жертву своему богу плѣнныхъ иноплеменниковъ—послѣдователей другихъ боговъ; что такое существующее въ насъ презрѣніе и ненависть къ цѣлому племени людей, освященное закономъ неравноправіе подданныхъ одного и того же отечества, какъ не наслѣдіе тѣхъ временъ, когда человѣкъ въ каждомъ иноплеменникѣ видѣлъ лишь врага или раба?

Исторія говоритъ намъ о постоянномъ прогрессѣ въ нравственныхъ чувствахъ и понятіяхъ человѣчества; чувства, наслѣдованныя отъ отжившихъ поколѣній, не могутъ отвѣчать нравственнымъ требованіямъ послѣдующихъ поколѣній. На обязанности каждаго человѣка—очистить свою душу отъ

внушений прошедшей тьмы, провѣрить, дополнить свои инстинктивные чувства наблюдениями, данными изъ окружающей жизни, согласить инстинктивные чувства съ идеями справедливости и гуманности. Задача эта не легкая, но вполне соответствующая достоинству человека. Безсознательныя чувства должны превращаться въ сознательныя, при посредствѣ нашего разсудка и данныхъ, доставляемыхъ впечатлѣніями изъ внѣшняго міра. Чѣмъ разнообразнѣе эти впечатлѣнія, чѣмъ больше число ихъ, тѣмъ выше, безошибочнѣе, справедливѣе, складывающееся изъ нихъ сознательное чувство.

Мы унаслѣдовали инстинктивное чувство ненависти и отвращения къ „жидамъ“. Это — наслѣдіе тѣхъ вѣковъ, которымъ чувство религиозной терпимости и уваженія человѣческаго достоинства были неизвѣстны. Если мы не утратили способности разсуждать, не закрыли доступъ впечатлѣніямъ изъ внѣшняго міра, то чувство это должно измѣняться въ насъ слѣдующимъ образомъ. Инстинктивное чувство, подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній отъ отталкивающихъ сторонъ характера евреевъ, свѣдѣній о ихъ эксплуататорскихъ подвигахъ, ростетъ и переходитъ въ сознательную ненависть. Мы ненавидимъ вредныхъ, погрузившихся въ низкіе интересы евреевъ; мы ненавидимъ всѣхъ евреевъ, ибо всѣ они кажутся намъ таковыми. Но жизнь даетъ намъ все болѣе и болѣе наблюдений; исторія открываетъ намъ наше прошлое и прошлое евреевъ, въ окружающей жизни мы встрѣчаемъ воплѣ-

щенныхъ евреевъ, а въ средѣ своихъ — обладателей чисто „жидовскихъ“ качествъ, и прежнее чувство ненависти къ цѣлому племени переходитъ въ ненависть къ обладающему извѣстными качествами человеку, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ. Далѣе, ненависть къ человеку смѣняется ненавистью къ тому строю жизни, къ тѣмъ порядкамъ, которые порождаютъ извѣстные пороки и невѣжество. Это — послѣдняя и высшая стадія развитія вышеназваннаго инстинктивнаго чувства, единственная соответствующая справедливости, единственная, повинная внушеніямъ которой, можно ввести въ жизнь измѣненія, ведущія къ общему благоденствію.

Такимъ образомъ должны быть провѣрены и дополнены всѣ наши чувства. Но, какъ мало заботимся мы объ этомъ! Какъ мало людей, приведшихъ въ порядокъ свой душевный хаосъ! Какъ часто человекъ представляетъ собою ходячую исторію умственнаго и нравственнаго развитія. По разнымъ вопросамъ онъ представитель разныхъ направленій, выразитель разныхъ стадій и состояній. Основные принципы теологическаго періода, метафизическаго, позитивнаго и возникающаго этического живутъ у него рядомъ. Его голова — это библіотека, его сердце — цѣлый музей. Въ библіотекѣ мысли обыкновенно занумерованы, въ музей бываетъ внѣшняя классификація, а человекъ въ своей умственной и нравственной жизни не представляетъ часто и этого порядка. Въ своихъ мысляхъ, желаніяхъ и дѣятельности онъ часто

находится подъ вліяніемъ безконечно разнообразныхъ и противурѣчивыхъ импульсовъ. Поетъ гимны свободѣ и полноправію въ одной сферѣ и, безсознательно измѣняя имъ, поддерживаетъ тиранію, требуетъ монополіи въ другихъ. И такъ во всемъ! Можно быть гениемъ и въ тоже время человекомъ крайне невѣжественнымъ, можно быть талантливымъ ученымъ и въ тоже время поражать своимъ легкомысліемъ и предразсудками, не говоря ужъ о томъ, что можно быть сильно развитымъ и въ тоже время крайне нечестнымъ человекомъ. Если такимъ является отдѣльное лицо, то что же общество, что же цѣлый народъ! Многіе государства представляютъ собою разложившіеся листы человѣческой исторіи. Всѣ періоды, всѣ эпохи, всякія идеи, чувства и понятія, отъ самыхъ вышнихъ проявленій мысли, честности и самоотверженія до низшихъ побужденій и примитивныхъ формъ — все здѣсь встрѣчается рядомъ. Нечего поэтому удивляться, если въ XIX в. встрѣчаются живые „памятники прошлаго“, всевозможныя пытки и истязанія, обвиненія въ употребленіи человѣческой крови, сожиганіе „вѣдьмъ“.

Таково „естественное“ состояніе общества, такова общая почва! Но къ этому основному настроенію нужно еще прибавить тысячи разныхъ усложненій: борьбу личныхъ интересовъ, политическихъ страстей, голосъ личнаго и общественнаго угнетенія, патріотизмъ, атаквизмъ.

Подъ вліяніемъ разныхъ условий, иногда какъ бы воскресаетъ пережи-

тый моментъ варварства, оживаютъ прежнія антипатіи, охватываютъ цѣлыя классы населенія и въ своихъ проявленіяхъ поражаютъ беспощадностью и безпричинностью. Это „пробужденіе звѣря“ — признакъ упадка общественной нравственности, симптомъ кризиса общественной жизни. Оно временно приравниваетъ культурные слои населенія къ существующимъ представителямъ варварства. Политическія страсти, дипломатическія интриги подхватываютъ общественное настроеніе, раздуваютъ и эксплуатируютъ его для своихъ цѣлей. Разжигается борьба, припоминаются прежніе счеты и ловится въ мутной водѣ „дипломатическая“ рыба. Патріоты, воодушевленные похвальною любовью къ отечеству, слыша упреки и обвиненія и не разобравшись въ нихъ, высоко поднимаютъ свое знамя и слѣпо пристають къ движенію. Соперники, распѣвая умилительную пѣсню о жертвахъ, стараются осадить конкурента, дать просторъ своей личной наживѣ. Раздается и голосъ жертвъ, обрадованныхъ вниманіемъ, воодушевленныхъ надеждой... Гнетъ общихъ условий жизни, тяжелое экономическое положеніе крестьянства, общественныя разочарованія, политическое безправіе, общественное томленіе, — все это еще болѣе усложняетъ картину. Индифферентизмъ, махнувшій на все рукой, или безчувственный къ заявленіямъ другихъ, въ виду собственнаго состоянія, или безсилія помочь, переходитъ нерѣдко въ озлобленіе, и люди, ссылаясь на собственное безправіе, враждебно относятся къ другимъ потому только,

что тѣ отстаиваютъ свои человѣческія права...

Силенъ и могучъ въ нашей жизни хоръ безсознательныхъ! Что же, — неужели преклоняться предъ нимъ? Уступитъ ему поле жизни?

Не то совѣтуетъ намъ исторія. Она говоритъ намъ, что прогрессъ человѣчества дается только цѣной неустанной, самоотверженной борьбы съ инстинктами варварскаго прошлаго. Страшно не старое, отживающее поколѣніе, а новое, вырастающее въ душевной, темной атмосферѣ предразсудковъ, чрезъ которую юная душа не можетъ ясно видѣть, правильно воспринимать впечатлѣнія изъ окружающей жизни. Очищеніе жизненной атмосферы вокругъ подрастающаго поколѣнія, охраненіе его отъ заразы — одна изъ великихъ жизненныхъ задачъ сознательныхъ. Душа ребенка не та „tabula rasa“, о которой вѣчала одно время педагогія. Съ перваго момента жизни эта „tabula rasa“ обнаруживаетъ на своей поверхности самыя различныя степени восприимчивости: одно впечатлѣніе жизни выступаетъ на ней огненными знаками, другое — едва оставляетъ слѣдъ; на одинъ звукъ отвѣчаетъ она полнымъ звучнымъ откликомъ, на другой не даетъ и слабого отголоска. Душа ребенка не только разныхъ временъ, но даже разныхъ національностей, представляетъ различныя особенности восприимчивости, вполне зависящія отъ унаслѣдованнаго изъ жизни предковъ. Фактъ насилія одной національности надъ другой иначе отзовется въ душѣ русскаго ребенка, чѣмъ въ душѣ ребенка —

поляка или болгарина; неуваженіе къ своей личности иначе приймется русскимъ ребенкомъ, чѣмъ маленькимъ англичаниномъ или американцемъ. Воспользоваться этими особенностями, помѣшать развитію низшихъ инстинктовъ и содѣйствовать всѣми силами полному развитію высшихъ, — вотъ что составляетъ сущность задачи воспитанія, священнѣйшую обязанность всѣхъ честно, сознательно берущихся руководить умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ подрастающихъ поколѣній.

Наслѣдственность страшная, роковая сила, отъ которой зависитъ вся жизнь человѣчества. Если въ настоящемъ мы обязаны ей тѣми чувствами, съ которыми должны вести такую отчаянную борьбу, то она же общаетъ намъ въ будущемъ прочное господство тѣхъ высшихъ чувствъ, которыми удастся замѣнить настоящія. На законѣ наслѣдственности основывается вѣра въ прогрессъ человѣчества. Пусть дастъ себя чувствовать теперь средневѣковой варваръ, — это не помѣшаетъ вѣрить, что онъ умретъ когда-нибудь навѣки и что оживутъ въ потомствѣ чувства людей, ратующихъ за правду, вѣдливость, представляющихъ теперь лишь жалкими близкими къ помѣшанымъ или вреднымъ свойствамъ.